

ПОЩЕЧИНА

О

Т

Два «неправильных глагола», директор физико-математического лицея № 31 Александр Попов и главный редактор бк Юрий Шевелев, обсуждают актуальные проблемы современности...

ПОЭТОВ

Юрий Шевелев:

Сколько ни живу на свете, а все какие-то иллюзии испытываю. Причем не только я, они носят эдакий массовый характер. Ну, сыграли наши первый матч с чехами, можно сказать, «порвали» их, только чехи потом с шестью очками стали первыми, а мы опять, блин... Но поначалу все заверещали: мы — чемпионы... И я туда же, в смысле стал верить. Футбол — развлечение, эмоции... А если б серьезно подумать, проанализировать ту игру, то все сразу было б понятно: чемпионами нам не быть. Но ведь просто хочется порадоваться, а не думать...

Ю. Ш.: Лучше жить эмоциями, или все-таки надо как-то со временем успокаиваться, уравновешиваться?

А. П.: Если башкой будешь все время жить, то рехнешься. Иногда ее надо отключать, иногда включать.

Ю. Ш.: У вас она автоматически включается?

А. П.: Автоматически. Ну, за жизнь в организме какой-то режим выработался.

Ю. Ш.: В молодости, как я сейчас понимаю, у меня была избыточная энергия. Ну, совершу чушь какую-нибудь — и потом себе говорю: «Надо пешком ходить». Я же все время бегал и по лестницам, и вообще везде. Потом сам себе приказываю: мол, надо успокоиться, перейти на шаг, может, тогда лучше буду соображать, типа правильные решения принимать.

А. П.: Режим мышления другой будет.

Ю. Ш.: А у вас в школе-то специфическая среда, все детки бегают, ну, такой определенный сгусток энергии...

А. П.: Да, конечно, дети «заряжают».

Ю. Ш.: А «разряжают» взрослые?

А. П.: Это точно, «разряжают»...

Ю. Ш.: У вас такая занимательная история случилась с письмом из Центрального РОВД по поводу национальности школьников. Вы ничего героического не совершили, просто сказали, что раз это физлицей, то и национальность у всех

одна — «математика». А как все раздули федеральные СМИ, «Эхо Москвы» три дня захлебывалось от восторгов...

А. П.: И меня на форумах всяких обвиняли, поносили за какую-то экстравагантность, мол, «пиариться» хочу. А я двадцать лет говорю детям одно: национальность у нас — математика, вероисповедание — математика, родина наша — математика. Математика — это наше все. Я так говорю в школе каждый день. А тут прозвучало вне школы. Кто-то возмутился, кто-то возбудился. Меня стали обвинять во всех грехах, да еще в том, что уволили даму из полиции, что письмо написано... Да какое она ко мне имеет отношение?

Ю. Ш.: Она сама себя высекла, как унтер-офицерская вдова. Как можно дослужиться до майора и употреблять словосочетание «кавказская национальность»?

А. П.: То, что она сделала вместе со своими начальниками и всякими защитниками, включая Севастьянова, местного специалиста «по правам человека», показывает: у них мозгов нет! Они страну разрушают. Если мы хотим вместе жить в стране — то мы одна нация. Как нам себя называть: россияне или еще как-то? Или, может быть, «разные люди этой страны»? Что это вообще значит? Государство, казалось бы, заботящееся о безопасности своих граждан, выясняет: кто какой национальности?

Ю. Ш.: Как вообще могла такая идея прийти в полицейские мозги, хотели через деток вычислить криминальные связи родителей?

А. П.: Я не хочу знать, чего они хотели. Дело не только в полиции. К нам идет миллион всяких запросов. Вообще из школы сделали какое-то статистическое бюро. Вот перед выборами шлют всякие инструкции, как с детьми работать, с их родителями, чтобы все пришли на выборы. И понятно, за какую партию надобно проголосовать.

Александр Попов:

Ю. Ш.: С советским временем можете сравнить?

А. П.: Тогда было проще, у всех была одна «национальность» — «коммунистическая». Можно было работать автоматически, твердить какие-то коммунистические заклинания, заученные фразы. А сейчас много всего давит на школу. Детей пытаются отфильтровать по национальности, вероисповеданию, политическим предпочтениям... Все ведь от недомыслия, непонимания, что нельзя разрушать детский мир. Иначе вся страна рухнет. Может, кто-то там, наверху, этого хочет? Ведь на страже детей, кроме нас, учителей, — никого. О детях просто не думают. Надо же прислать такую записку о «кавказских национальностях», а потом еще на форумах мне объяснять, что я обязан отвечать на это грамотно, а так, как я ответил, — это по-дурацки...

Ю. Ш.: В другие школы тоже отправляли?

А. П.: В школы Центрального района. Директора — люди послушные, исполнительные. Им некогда заниматься учебным процессом, надо отвечать на всякие запросы. Директор 1-й школы ответил, что все родители его учеников имеют российское гражданство, а по лицу он не умеет определять национальность. Но остальные-то послушно отвечают. На выборах еще страшнее... Ни один из учителей нашего лицея не участвовал в политическом процессе, и я никогда об этом не говорю. И с детьми, и с их родителями я говорю об одном — о математике, о ее проблемах, показываю им красивые задачи... Математика — защита от мракобесия. Чем-то ведь надо защищаться.

Ю. Ш.: А что, в вашей школе нет избирательного участка?

А. П.: Есть. Только, кроме меня, этим никто не занимается. Да, раз-рядка тоже иногда приходит — типа сидеть на агитпунктах, ходить по подъездам. Но у меня все учителя занимаются учебным процессом, а не политической трескотней.

Ю. Ш.: А может, мы от вашего лица или от журнала *БК* поставим этот вопрос в российском масштабе? Надо оградить детей от всяких политических, религиозных, национальных разборок! Вот с таким проектом выступим!

А. П.: Прекрасно. Детей нужно беречь. Страшно за страну. Мое сопротивление мало что значит. Сам рос в Советском Союзе и знаю: если встал на защиту Брестской крепости, надо стоять до конца. И я буду стоять до конца, не позволять вносить в детский мир взрослые глупости.

Ю. Ш.: Вы признались, что при Советской власти в школе было проще. А может, наши вожди и сейчас хотят, чтобы было проще: всех под одну гребеночку подгрести — и все, блин: одна национальность, одна идеология...

А. П.: Они так и хотят. Они всегда хватаются за наиболее простые решения. Мол, Советский Союз был довольно управляемым сверху, ну и нам надо бы по аналогии построить вертикаль... Но в советское время не было Интернета. А сейчас он есть. Поэтому управлять постарому не получится. Люди теперь получили возможность не на кухне высказываться о насущных вопросах, а обмениваться мнениями в глобальной сети. Мир-то другой. Прежние навыки не работают.

Ю. Ш.: А новый мир для математических мозгов удобнее?

А. П.: Математика — это же искусство. Занимался бы я балетом или музыкой, так бы детям и говорил, что национальность у нас — музыка, вероисповедование — музыка. Чем бы ни занимался — я бы учил так. Но математика — на все века. Люди даже прятались в нее. Вот откуда в Советском Союзе был такой неимоверный взрыв великих математиков и физиков? После революций, репрессий, войн весь генофонд был обескровлен. Новый режим из-за идеологических резонансов ввел ограничения при поступле-

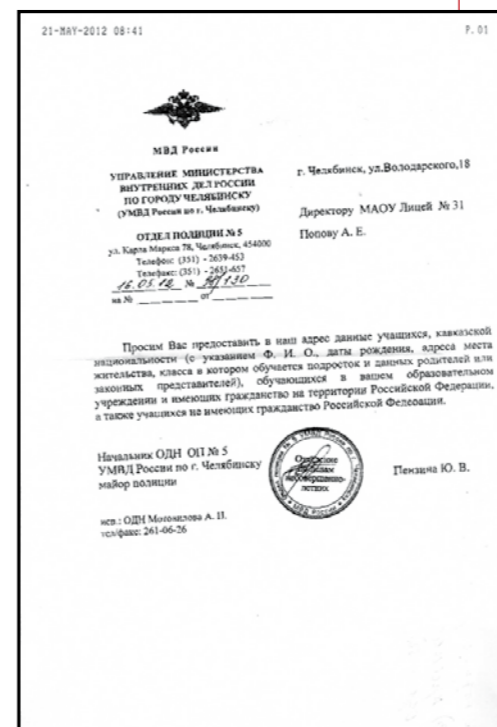
нии на гуманитарные дисциплины для молодых отпрысков старорежимной интеллигенции, дворянства, крупных промышленников — вообще богатого сословия. Их не принимали и на инженерные специальности: враги советской власти не могут руководить производством. И поэтому люди с мозгами, с хорошей генетикой были вынуждены идти в математику и физику. Вроде как в фундаментальных науках нет идеологии. Поэтому в СССР была очень сильная математика и физика.

Ю. Ш.: Выходит, спасение человека вне контекста с властью? Выбираешь какой-то свой мир, будь то математика или музыка, — и живешь себе в нем... вечно...

А. П.: Конечно, это спасение.

Об «окопах» математики первым догадался философ Беркли: «Церковь даже не думала, что жечь надо было не астрономов, а математиков, потому что они, сволочи, с бесконечностью работают». Астрономы-то — цветочки по сравнению с математиками. Математика занимается уникальными мыслительными вещами, и если человек хоть чуть-чуть разбирается в математике — ум его независим. Ибо есть некий моральный кодекс — математика. Первая фраза из него: если ты хочешь быть математиком, обязан иметь независимый ум. Ты никому не должен верить. Ты должен все проверять. Поскольку есть истинность натурального ряда.

Тут любопытная история. Отцом советской школы математического анализа был Николай Лузин. Вокруг него кучковалась молодежь, обожавшая своего учителя. Ну и донесли в НКВД, что в этой самой «Лузитании» истину проверяют не марксизмом-ленинизмом, а натуральным рядом. Ну, может это такой красивый миф. Сначала Лузина посадили, а потом донесли Сталину. И будто бы вождь изрек: мол, «в натуральном ряду крамолы не обнаружено, выпустите». И вообще, все

последующие успехи матанализа идут от Лузина. Он воспитал массу молодых людей независимого мышления, настоящих математиков. Или вспомним Колмогорова, следующее поколение советских математиков. Хрущевское время. Вот нашли в Берлинской библиотеке записки Маркса, который в сорок лет взялся изучать матанализ. Ну, самое начало, понятие «предела». И они с Энгельсом обменивались впечатлениями по этому поводу. Хрущеву доложили, что существуют математические труды Маркса. А это самое начало первого триместра технического вуза. И Хрущев выкупил у ГДР эти рукописи с «математическими трудами» Маркса, и всем нашим математикам было приказано изучать рукописи Маркса. Это могло бы остановить математику надолго, как была остановлена генетика и кибернетика. Но во главе нашей математики стоял умнейший, гениальнейший Андрей Николаевич Колмогоров. И он во всеуслышание в присутствии партаргов заявил, что, мол, «мы будем изучать Марк-

са, но вечно...» Математики все поняли.

Ю. Ш.: Мне думается, такая твердая позиция, как натуральный ряд, — это как бы наша защита.

А. П.: Это же время, течение математического времени. Проверка истинности натуральным рядом есть доверие времени. Время истинно. Может, пространство бывает ложным. Время ложным не бывает... Я думаю, что меня все время обкрадывают. Ведь я родился в Советском Союзе, клятву ему давал, а потом мою родину взяли и обкромсали. Она стала куцой.

Ю. Ш.: Вы ведь новой родине клятву верности не давали, как и присягу военную?

А. П.: Да, присягу я давал родине, в которой родился. Ее обкромсали, будто ножницами. Смотрю на карту — теперь она уродец. Камчаткой только машет, как последним крылом. А что касается города — у меня тоже вроде бы родина, я в Челябинске родился, в нем надеюсь и умереть. Но у меня и тут все отняли: магазин «Золотой

АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА
УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ОБРАЗОВАНИЯ
МУНИЦИПАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ЛИЦЕЙ № 31 г. ЧЕЛЯБИНСКА

454080 г. Челябинск, ул. Володарского, 18 тел.: (351) 263-28-12

Исх. №63
от 21.05.2012
На №98/130
от 16.05.2012 г.

Начальнику ОДН ОП № 5 УМВД
России по г. Челябинску
майору полиции
Ю.В. Пензиной
454000 г. Челябинск, улица Карла Маркса, 78

В ответ на Ваш запрос сообщаем, в нашем лицее национальность одна - математика.

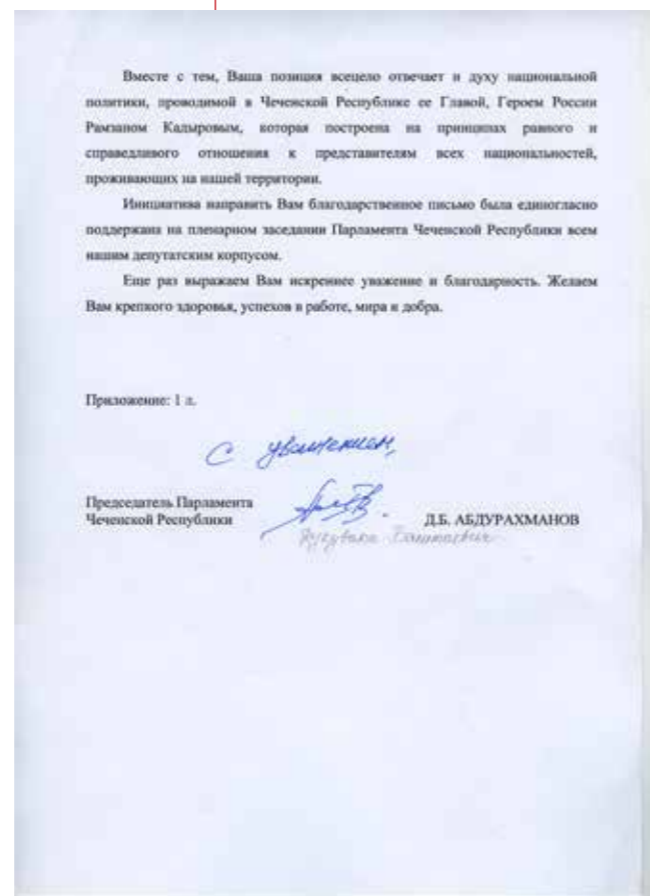
Директор,
Заслуженный учитель России,
Член союза писателей России,
Член городской Общественной палаты

А. Е. Попов

ключик», который я любил, и баню на Воровского, и ресторан «Южный Урал», где мои родители познакомились. Куда ни ткнешься — все отняли. И думаешь порой — а где моя родина? Страну отняли. И город. Баню, магазин, ресторан. Мне все равно, кто там хозяин. Это мое. Потому что с детства пришло. И появилось ощущение, что в пространстве я пролетел, в нем ничего моего нет. У меня родина — во времени. В пространстве я свою родину больше не ищу. Ее нет.

Ю. Ш.: Я как-то спросил Проханова: «Александр Андреевич, вы, как главный редактор газеты «Завтра», скажите мне, непутевому, что будет завтра или послезавтра?» — «Не скажу, — ответил он. — У меня уже давно-давно все осталось в ретроспективе...» А, кстати, такой вопрос: саму математику куда выводит кривая или натуральный ряд?

А. П.: Не знаю. Я же не математик, а учитель математики, другой жанр. Математик — кто что-то в математике свое нашел, чего до него не находили. Вот Перельман — математик.

Два года назад умер Игорь Владимирович Арнольд. Он тоже математик. А я-то просто учитель математики.

Ю. Ш.: Перельман — счастливый человек. Построил свою вселенную. Куда больше-то? Человек создал свой мир, живет в нем. Самое большое счастье.

А. П.: Думаю, счастливым человеком был Эйлер. Он столько сделал в математике, сколько вряд ли кому удастся...

Ю. Ш.: А сколько прожил?

А. П.: Говорят, до пятидесяти лет хватает мозгов заниматься математикой, потом надо бросать. А Эйлер до 83 делал такое, на что способны только молодые. Поразительно! И у него, у счастливого человека, на могиле написано, когда родился и в каком году перестал решать, а не умер... Это надо заслужить. Наверное, и Зенон был счастливым. Он не дал человечеству зажить, поста-

вил такие вопросы, что люди две тысячи лет бьются над их разрешением и как-то развиваются. Я считаю его своим учителем по жизни. Шмель такой...

Ю. Ш.: Я понимаю, для вас главное — детки. У каждого незажившего — свое увлечение, свой шмель. Отними у учителя то, что он любит, — детей, учеников, и ему капец. У меня наметни прооперировали товарища, педагога с большим стажем. Прихожу в больницу навестить, а у него уже студент сидит. Вот первая потребность у человека, зацепка за жизнь. Ну а Ельцин, к примеру, только очнулся от наркоза после шунтирования — сразу за ядерный чемоданчик. За власть то есть.

А. П.: Если меня убрать из школы, я не перестану быть шмелем. Я ведь не учу, и вообще учить нельзя, нужно учиться. Я учусь задавать вопро-

сы. Со мной не спокойно ни детям, ни родителям, ни учителям — я им создаю проблемы. И оказываюсь для всех каким-то опасным местом в школе. Встретиться со мной — значит «озадачиться». Я начинен вопросами, я иногда ощущаю себя ежом с торчащими во все стороны иглами. На меня сесть нельзя — жопу поранишь.

Ю. Ш.: Это хорошо. А вот, скажем, какие-то относительно продвинутые люди хотят в ваш лицей определить свое дите. Знакомятся с вами, и вы им сразу втыкаете какие-то иглы. Они пугаются: мы, дескать, кропотливо выстраивали некое материальное благополучие семьи, внутреннее оправдание своей жизни, а тут появляется Попов, которому отдаешь своего ребенка, и он будет втыкать в него свои иглы... и ребенок свернет на другую траекторию... может, лучше отказаться...

А. П.: Такое бывает редко. Образование вообще настолько упало, что у меня желающих море. Родители хотят, чтобы ребенок думал, что-то знал. Хорошая школа очень востребована. Люди готовы на все, только бы ребенок учился.

Ю. Ш.: А как «пощупать», насколько у нас пало образование? Я со стороны не могу оценить как эксперт...

А. П.: А есть всякие экспертизы международные. Детей разных возрастов проверяют «тестами на осмысление текста». И замеры пока зывают, что Россия в пятом десятке стран по «осмыслению текстов». Очень низко. Мы даже не можем научить детей читать.

Ю. Ш.: А что за критерий оценки осмысления текстов?

должен быть наедине с компьютером, который считывает ответы и сразу дает оценку. А у нас, например, часть «С», за которую дают максимальные баллы, проверяется людьми. И здесь делаются любые баллы. Коррупция в ЕГЭ — серьезная проблема. Мы не получаем достоверного результата. В других странах получается.

Ю. Ш.: И что, если доверить все компьютеру, — будет круче, лучше?

А. П.: Более достоверно. Ясно, у кого больше объем знаний, у кого — меньше. А у нас, особенно в сельских школах, учителя рулят процессом. Они могут делать любые баллы за деньги. Кстати, огромные деньги возвращаются в систему ЕГЭ, потому что никому не нужны плохие результаты.

очные собеседования с абитуриентами. Человек человека лучше понимает. Идет ли ребенок в свою профессию и как он мыслит, никакой компьютер не проверит.

Ю. Ш.: Вам лично зачем компьютер? Вам привели ребенка, вы ж его мгновенно можете оценить...

А. П.: Но на мне не стоит печать ОТК, типа «Знака качества». Правда, когда ректором ЧПИ был Герман Вяткин, а я был еще не директором лицея, а учителем математики, мне выдали сертификат, что мои ученики при поступлении в институт не сдают математику. Вузовских тогда поразило, что они все по-разному решают заданную контрольную работу. Каждый находил свое решение. Я учил математике честно, объяснял: если у проблемы

Сейчас сам себе задаю вопрос: смог бы я какого-то мудака публично вызвать на дуэль и сделать этот хрестоматийный жест — нанести пощечину?

А. П.: Предлагаются для чтения разные тексты — географический, экономический, художественный, поэтический... Далее задаются вопросы, и эксперты понимают, насколько конкретный текст осмыслен ребенком или не осмыслен. Я на своем уровне вижу, как дети приходят в пятый класс — и могут справиться с «голыми» примерами. Но вот «текстовую» задачу не понимают, не могут держать в голове данные текста. Детей в начальной школе не научили работать с текстом, не научили читать. У него от произнесения звуков в голове ничего не меняется.

Ю. Ш.: А как влияют всякие нововведения, например ЕГЭ в виде тестов, а не как раньше у нас было?

А. П.: ЕГЭ — нормальная, современная система. В ней столько же плохого, сколько и хорошего. Но из ЕГЭ надо исключить человека. Ребенок

одно решение, значит, что-то не так. Должно быть много направлений, по которым можно прийти к единственному результату. И тогда он верен. Но большинство учителей учат: если ты не так делаешь, как должно, то все неправильно. Им невдомек, что вообще к истине подходов бесконечно много. А считать свой подход единственно верным — с точки зрения математики аморально. Я, как учитель, старался, чтобы мой метод доказательства был очень неудобным, некрасивым, чтобы он раздражал, чтоб после него хотелось придумать какой-то свой красивый способ. И тогда у детей вкус появлялся, азарт, что они-то могут решить лучше учителя, красивее. А если я сам показываю какое-то блестящее доказательство, которое у кого-то стырил и детям показал, то получается, что я лакомый кусок съел. Нет, я никогда

Ю. Ш.: А мне так не понятно, как можно отдать деток на суд компьютерам? В СССР была самая крутая шахматная школа в мире. Наши гроссмейстеры долго держали шахматную корону. Разок только Фишеру отдали на время. Когда появились ЭВМ, их сначала использовали в тренировочном процессе. И все были уверены, что человек, который сам создает компьютерную программу, никогда не сможет ей проиграть. Но беда случилась: наконец Гарик Каспаров проиграл компьютеру. Теперь выходит, что и в педагогическом процессе машина «обигрывает» человека? Или тут просто аморальные субъективные вмешательства, связанные с баблом, с корыстью?..

А. П.: Да, именно с этим связано. Компьютер, конечно, не заменит человека. И хорошие вузы в результате ЕГЭ не верят, предпочитают

одно решение, значит, что-то не так. Должно быть много направлений, по которым можно прийти к единственному результату. И тогда он верен. Но большинство учителей учат: если ты не так делаешь, как должно, то все неправильно. Им невдомек, что вообще к истине подходов бесконечно много. А считать свой подход единственно верным — с точки зрения математики аморально. Я, как учитель, старался, чтобы мой метод доказательства был очень неудобным, некрасивым, чтобы он раздражал, чтоб после него хотелось придумать какой-то свой красивый способ. И тогда у детей вкус появлялся, азарт, что они-то могут решить лучше учителя, красивее. А если я сам показываю какое-то блестящее доказательство, которое у кого-то стырил и детям показал, то получается, что я лакомый кусок съел. Нет, я никогда

красиво не доказывал, оставлял детям. Так мамы поступают: лучший кусок — ребенку.

Ю. Ш.: А как управление образования откликнулось на шум, гам после запроса полиции?

А. П.: Вроде они меня тут поняли, поддержали. Правда, с февраля после неприятной истории с пощечиной физруку от меня многие отстранились, даже один из друзей. Я теперь стал, как «опасное место». Этот самый друг радостно мне заявил, что директора школ меня не любят, не поддерживают. Ну, думаю, ладно, если бы они меня любили и поддерживали, значит, я делал что-то не то...

Ю. Ш.: А для меня та история является знаковой. Как тест. В молодости-то многие были рысаками и совершали всякие необдуманные, иногда очень красивые поступки. Сейчас я сам себе задаю вопрос: смог бы я какого-то мудака публично вызвать на дуэль и сделать этот хрестоматийный жест — нанести пощечину?

А. П.: Я тогда оказался один. Люди оказались зрителями. Большинству хотелось увидеть, как я сломаюсь, многие этого ждут. Другим было просто любопытно. Я понимал, на мою сторону не встанут ни коллеги, ни друзья. Но если я человек, то должен сам найти решение конфликта. А я ведь начинен русской литературой, люблю ее, живу в ней. Поэтому выход один — дуэль. Потом на форумах стали писать, что, мол, Попов избил старика-физрука. А он ведь младше меня на пять лет, да еще мастер спорта. При том что я всю жизнь занимался литературой и математикой, больше ничем. И поэтому мне не было стыдно вызывать противника на ринг. И как без пощечины? Поэтому тут все нормально было, по этикету. Ну, полиция стала допрашивать, дескать, был удар... Нет же, ладонь была открытая, люди видели.

Ю. Ш.: В лайковой перчатке?

А. П.: Да не было под рукой. У меня мама никогда не носила ни варе-

жек, ни перчаток. И я не ношу. У нас с ней руки теплые... На дуэль он не явился. А я просчитывал три исхода дуэли: мой проигрыш, ничью и мой выигрыш. Решил, что ничья мне ничего не дает, моя победа не будет выигрышем. Поэтому мне нужно проиграть. И я задумал вначале замахнуться, тут же принять его первый удар, замахнуться второй раз, принять второй удар, после чего упасть и не вставать, чтобы вызвали скорую помощь. И чтобы меня на скорой торжественно увезли. Это была бы абсолютно выигрышная позиция. Но он на дуэль не явился. А я долго стоял, ждал, я себя успокаивал, ну знаю ведь свой характер, и понимал, что очень трудно будет проиграть, но настраивался, что я «вышел проигрывать». Но он не явился. И тогда я объявил всем: мол, поздравляю, у нас в коллективе появилась «баба Сережа»... А потом приехала полиция разбираться.

Ю. Ш.: Как у Пушкина в «Пире во время чумы»: «Есть упоение в бою и бездне мрачной на краю...». Такая вот мощная тактика: «идти на проигрыш».

А. П.: Ну про это никто не знает.

Я вам первому рассказал, что у меня все было продумано. Ну а тогда все узнали про дуэль, большинство меня осудили. И я остался один. Приезжала полиция, допросы велись среди детей, а я не мог не пустить полицейских в школу. Меня под запись допрашивал подполковник. Я настоял, что не подпишу протокол, если в конце не будет написана фраза, что я буду пощечины давать до тех пор, пока он не уйдет из школы. Что я буду пощечины давать вечно. До упора. Я понял, что один в этой битве, надо драться до конца, до самоуничтожения.

Ю. Ш.: Так, может, это и есть единственный способ жить именно с таким настроем: «до конца, до самосожжения»?

А. П.: Конечно, и не только у нас в России, но и в мире. И у меня еще одно решение было (про него только

одна газета сообщила): я объявил голодовку до тех пор, пока власти не заберут из школы этого физрука. Ну и 24 февраля он написал заявление и ушел. Я отменил голодовку. И здесь я все просчитывал, понимал, что моя голодовка очень неудобна власти накануне выборов президента. А если я затаю свои действия, после выборов меня уничтожат.

Ю. Ш.: Тут важный момент получается: вы точно оцениваете, что попросту умнее окружающей среды.

А. П.: Нет, здесь другое... Некоторые люди во власти решили рулить школой. А ею может рулить только директор школы. Мне никак не давали уволить этого кадра, несмотря ни на жалобы родителей, как он ведет уроки, ни на что... Ситуация стала безысходная — мной стали рулить. Моей школой стали рулить. А школа для меня — как женщина. И я жил с этим, что моей женщиной стали пользоваться, и мне надо было что-то делать, спасти честь...

Ю. Ш.: Я тоже думаю, что если ты какое-то дело делаешь, то должен быть в нем диктатором. Как художник. Вот он взял — и пишет полотно.

А. П.: Да, это — полотно художника, это — симфония музыканта. Если кто-то влезает в твоё авторство, то ничего не состоится... У нас ведь любят рулить сверху или сбоку, многими творческими людьми пытались рулить. Кого-то ломали, кто-то выдерживал — и признавался потом гением. Кто-то, как Пастернак, сгорел. Вряд ли Пастернак достиг бы таких вершин в спокойной стране, в какой-нибудь Швеции. Наша власть сделала Пастернака. Власть, окружение, зависть большинства. Женщины. Они всегда при этом деле. Недоброжелатели Пастернака и выковали его в такого безупречного гения, в мировую литературную вершину. Он был очень умный человек. Он душой все понимал. Над ним издевались неимоверно — и сталинский режим, и хрущевский. Но я люблюсь им.

Ю. Ш.: Я весь 2006 год посвятил Пастернаку, читал его и все про него. Думал про его женщин. Наверное, главными были Елена Виноград, озарившая молодость, две законные жены и Ольга Ивинская, украсившая золотую осень его жизни. Это были такие мощные порывы в судьбе, союзы и разрывы, такие выхлопы энергии и страсти! У меня мысль забродила, может быть, пагубная: женщины хоть и дают силы и энергию, но отнимают больше. Правда, жестокие разрывы если не убивают, не опустошают дотла, то дают шанс к спасению, возрождению, к тому, чтобы выйти на другой качественный уровень — и энергетический, и смысловой. Ты начинаешь что-то создавать — как бы в отместку. Такой вот нерв в судьбе обнажается. Другой вопрос, что поэты — особи

единичные, штучные. Невозможно представить, чтобы все люди так мощно жили и любили с таким вулканическим темпераментом. Наверное, большинство живет как бы по инструкции, по правилам каким-то. А единицы, напротив, выбирают экстремум. Пастернак или тот же Высоцкий...

А. П.: Мне даже Высоцкий менее интересен, чем Пастернак, у которого просто заоблачные вещи. И как издевались над этим изумительным человеком! Невозможно осмыслить! Сталин ведь не его садит в 49-м, а садит Ольгу. Беременную! Пастернак понимает, что из-за него...

Ю. Ш.: Статья 58-10. «Близость к лицам, подозреваемым в шпионаже».

А. П.: Как над ней измывались в тюрьме! Ведут в трупную и пока-

зывают труп, загримированный под Пастернака. Она видит труп любимого... выкидыш, ребенок гибнет. Вот что творили, не знаю, как это назвать — варварство, изуверство. И он после всего продолжает быть поэтом. Он на такие высоты поэзии взбирается! Его Бог создал поэтом. Пастернак и женщины — что-то необыкновенное, об этом все время надо думать, искать... Как он оставался человеком и поэтом при любых обстоятельствах? Он смог это сделать, а почему ты не можешь? Высоцкий — это другое, не Пастернак, но тоже очень высокий ранг. И человек, и бард. В молодости была влюбленность в него. Но теперь это ушло, а Пастернак из меня не выходит. Не уходит великое, наверное. А великое — это, наверное, поэты ряда...

Ю. Ш.: Ну и математики... Зенон...

А. П.: Да, круг, в котором живешь, без которого не можешь. У меня еще есть любовь, не проходящая до сих пор, — Сергей Параджанов. После Зенона — это второй мой учитель. Зенон скорее «учитель по уму», а вот «учитель по эмоциям», по украшению эмоций — Параджанов. У меня внучка уже подросла, 17 лет, я расскажу ей о неосуществленных сценариях Параджанова. Это короткие сверхгениальные сценарии. А внучка решила стать оператором. Я выберу время, когда она будет готова воспринять Параджанова. И может, делом ее жизни будет осуществить часть сценариев Параджанова. Я сильно этого хочу. Если бы я сам умел, то сделал бы непременно. Я в долгу перед этим человеком. Хочется внучке передать, чтобы она за меня сделала фильмы...

Ю. Ш.: Основной инстинкт.

А. П.: Для меня Параджанов — это все время «удивление». Тарковского успели оценить, а Параджанова нет. Они оба огромной величины режиссеры, полюса XX века, абсолютные гении кино. Но про Параджанова мало кто знает. И я хочу, чтобы больше людей его полюбили. Это что-то необыкновенное. Я люблю его бесконечно. Хотя каким-то «знатокам», критикам Параджанов казался вульгарным и большой сволочью. Но его могли оценить те, кто сам жил искусством...

Ю. Ш.: Вернемся к ситуации с полицией. Как-то все утихомирилось? Наверное, осталось-таки холодное отчуждение директоров других школ?

А. П.: Не знаю. Я ведь могу читать только форумы в сети, а в действительности никто со мною о той ситуации не говорит. Может, сторонятся, как «опасного места». Я не знаю.

Ю. Ш.: Или просто по фигу?

А. П.: Может, и так. Но на форумах я начитался о себе много нелицеприятного, хотя сам-то сказал всего два слова.

Ю. Ш.: А зачем читаете?

А. П.: Мне любопытно, как реагируют. Правда, я не каждый день читаю.

Ю. Ш.: Болезненно воспринимаете?

А. П.: Молодым бы воспринимал болезненно, а сейчас у меня много способов защиты. Читаю книгу Могильницкого о Рихтере. Она меня защищает своей глубиной. Вузовский преподаватель математики всю жизнь занимался Рихтером. Хотя я человек музыкально неграмотный, но стараюсь понять, как Могильницкий смог передать внутренний мир музыканта, всякие нюансы. Я восхищаюсь Рихтером, восхищаюсь автором, который сам становится как бы Рихтером в тексте, как тот в музыке. Что-то невероятное. Оно защищает меня от обыденности.

Ю. Ш.: Попробую параллель провести. Такие глубокие погружения и переживания дают вам какой-то ключик, какой-то метод педагогический. Ведь то, что удается вам, — у других не получается. А вы способны как-то добраться, просчитать разные ходы к детям, из которых потом появляются десятки и сотни сильных математиков. Если педагог не будет увлечен постижением гениев в разных сферах деятельности, сможет ли он сам что-то сделать?

А. П.: Нет, конечно. Детей нужно водить по тропам гениев. А как ты будешь их водить, если сам не знаком с ними? Обязательно надо смотреть, как Гаусс или Эйлер доказывали какие-то теоремы, а потом детей по этой дороге вести, как по черновикам Пушкина водят филологов. Так и математиков надо водить не по учебникам, где все очень синтетически, а по тропам тех, кто «делал» математику.

Ю. Ш.: Вы свою внучку тоже по тропе гениев поведете?

А. П.: Я не смог ее заинтересовать математикой, но надеюсь на помощь Параджанова.

Ю. Ш.: Это не опасный путь — «тропа гения»?

А. П.: Конечно, опасный. Надо жить обыденностью. Кушать и какать. Это

самый безопасный путь. Сидишь на унитазах, перед тобой — стол. Смотришь телевизор — и смываешь. Телевизор, унитаз и стол — все довольно безопасно. Людей ведь к этому и толкают — три заглавные вещи надо иметь. И все.

Ю. Ш.: То, что унитаз — самая ценная вещь, а лежак должен быть в двух-трех шагах от него, я точно знаю.

А. П.: Я и это пробовал. Был один старшеклассник, который ничего не хотел делать. Беседуем втроем — он, его отец и я. Отец: «Вы предложите что-нибудь, как можно изменить ситуацию». Я отвечаю: «Вы же состоятельный человек, у вас дома наверняка два туалета? В одном из них прикрепите сына к унитазу лейкопластырем и поставьте столик. Он будет жрать и смывать...» И пацан при отце говорит: «Я не против, если еще компьютер будет стоять на столике». С отцом было плохо. Потом взмолился: «Ах, предложите еще что-нибудь, я сделаю все, что скажете!» Я говорю: «Сегодня, как придете вместе домой, все, что мешает учиться, — прямиком в окно». А они на 14-м этаже живут. И отец в окно выкинул и компьютер, и телевизор, и приставки всякие. Потом мне признался, какой был дурак, столько денег потратил на барахло... А сын учиться стал, окончил школу, в вуз поступил. Отец вовремя услышал, понял, что необходим поступок. Есть поступок — есть результат. А что слова? Мне иногда коллеги замечают, что я говорю с учениками или родителями, а от моих слов-то ничего не меняется. Ну если человек не готов на поступок... А насчет пощечины — я посчитал, что пощечина — хороший урок. Для всех. Кто-то когда-то в жизни этим воспользуется. Пощечину-то я не выдумал, пощечина идет от поэтов...

Ю. Ш.: По поводу «поступка»: выше рассказ Андрея Беленцова о поездке с семьей во Францию, в Диснейленд. Поначалу отца убило, что его пятнадцатилетний сын, бродя по Парижу, не отрывал глаз от своего айпада.

А. П.: Есть древняя легенда, когда-то ее прочитал в какой-то старинной книге. Вот взлетает бабочка. Она не просто так летает вокруг мужчины. Надо понять, что не зря летает. Остановись и жди. Можешь загадать желание. И знай: если ты очень захотел, чтобы она села на левое плечо, она сядет. И к тебе придет большая любовь. Но ты очень быстро умрешь... А ты можешь остановиться и возжелать любви? Огромной любви, необыкновенной любви. И любовь придет к тебе. Но ты быстро умрешь. Красивая легенда, да? Ее нужно рассказывать детям. Бабочки просто так не летают вокруг мужчины...

Ю. Ш.: Вот мы с вами стоим на балконе, а я с этим домом связан

Надо жить обыденностью. Кушать и какать. Это самый безопасный путь. Сидишь на унитазах, перед тобой – стол. Смотришь телевизор – и смываешь.

42 года, правда, с перерывами. И вдруг сейчас решил, что балкон не буду ремонтировать...

А. П.: Да, балкон должен быть старым, ржавым, неуклюжим.

Ю. Ш.: Сколько с ним связано воспоминаний! Насовсем я вернулся в Челябинск в 91-м. Пригласил в Челябинск своего научного руководителя из московской аспирантуры, где защищался по «Сатане». Мы тут, как сейчас с вами, стояли и думали, предчувствовали, что ракетной технике пришел капец, и вообще всей прикладной и фундаментальной науке. Рынок! Я устроился в НИИ горного дела, потащил ракетчиков — прочнистов и динамиков — в землю, чтобы, к примеру, опоры в шахтах считали... Теперь от того НИИ уже одни рожки да ножки. И вот вы заговорили вначале о времени, что ваша жизнь осталась только во времени, а пространство потеряно навеки. А у меня все-таки есть кусочек того

пространства на этом балконе, где мы стоим сейчас. Здесь, здесь у меня все...

А. П.: Родина «во времени» не у каждого человека есть. Вот у меня — есть. Потому что она у меня каждые сутки бывает — «без одиннадцати минут восемь». «Без одиннадцати минут восемь» — это моя родина «во времени». На часах — 1949.

Ю. Ш.: А у меня — 1955...

А. П.: Да, у вас тоже есть родина «во времени». А у тех, кто в 60-е, 70-е годы родился, «во времени» родины нет. Я знаю, что мне осталось прожить до «две тысячи четырехсотого года», но это слишком много, я не смогу столько жить.

Ю. Ш.: До «две тысячи сорокового»?

А. П.: Нет-нет, «четырёхсотого».

На часах будет «две тысячи триста пятьдесят девятый год». Последний год жизни. Я не буду столько жить. Я знаю, сколько себе отмерил на часах, потому что у меня родина «во времени»... Я знаю, сколько будет стоять на электронных часах, когда я умру. А мое наследство для дочери и внучки — жить дальше... до «две тысячи триста пятьдесят девятого года».

Ю. Ш.: Мы с вами счастливые, полет Гагарина помним. Такой мощный задел на судьбу.

А. П.: Это было счастье.

Ю. Ш.: Его не испытали, кто родился в другом измерении.

А. П.: У меня еще было 4 октября 57-го. Мы с отцом вышли из парной, а мужики в предбаннике пиво пили. Тут кто-то вбежал и воскликнул: «Спутник летит!» И все выскочили на улицу... пиво бросили... полуголые... октябрь. И мы стояли, смотрели в небо, как спутник над

нами летит. Мое первое счастье за страну. А второе — Гагарин. Я иду в кино в поселковый клуб, смотрю, народ как-то веселится: «Пацан, ты что, не знаешь?» И все такие родные, такие счастливые... наш человек в космосе. Это было долгое счастье, необыкновенное. В России его не было. А в Советском Союзе у меня было. Я там был счастливым.

Ю. Ш.: Да, если по этим меркам мерять. Об августе 91-го многие либералы вспоминают, что были безмерно счастливы, а у меня тогда примешивалась тревога, несмотря на природное свободолобие. Возникла как бы отстраненность от страны...

А. П.: К 91-му и 93-му я уже был сломленным человеком, понимал,

что огромное несчастье случилось.

Я понимал, что сам предатель. Я ведь давал клятву на знамени «защищать свою родину, не щадя живота своего». А ничего не могу сделать. И вот я с такими же мужиками-предателями, с которыми вместе служили в Советской армии и клялись защищать страну, мы просто в эти годы горько пили. По-черному. Сидели в августе 91-го, слушали радио и пили водку. Бутылку за бутылкой. От безысходности, оттого, что мы — предатели. Все эти два кошмарных года просто беспробудное пьянство. Я ничем не мог заглушить боль. Я — предатель, я — сволочь. Я не могу защитить свою страну. Горько было до невероятности. Или водка, или застрелиться, или попасть в психбольницу... Мужики, которые давали клятву родине, просто остались «жить». Мы пили, поэтому как-то сохранились. Ничего в этом хорошего. Но так было...